

2. Илюхина Н. А. Сценарная метонимия: к вопросу о когнитивных истоках // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVIII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 16-18 мая 2019 г. / отв. ред. вып. Т.В. Романова. Нижний Новгород: Издательство ДЕКОМ, 2019. С. 469–473.

3. Илюхина Н. А. Сценарная метонимия: механизм образования и некоторые разновидности // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11. С. 9–16.

4. Перлова Ю. В. Прямое и косвенное побуждение в рекламных слоганах // Экономический вектор. 2019. №3 (18). С. 46–48.

5. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. 314 с.

УДК 81'42

ПАРАДОКСЫ МИЛИТАРНОГО ДИСКУРСА: «БОРЬБА ШРИФТОВ» В ИЗДАНИЯХ ДЛЯ НАЦИСТСКОГО ВЕРМАХТА

С.И. Дубинин

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, Самара, Россия*

Аннотация: В статье рассматривается противоречивая и идеологически маркированная практика креолизации текстов – использование печатных и рукописных шрифтов (антиква, фактура, шрифт Зюттерлина) в военном дискурсе Третьего Рейха на примере изданий русско-немецких словарей-разговорников и популярной литературы для нацистского вермахта.

Ключевые слова: шрифт Зюттерлина, готический шрифт, рукописная/печатная графика, латинское письмо, антиква, креолизованный текст, вермахт, немецкий язык, военный дискурс.

Уникальным аспектом новейшей истории немецкого литературного языка является генезис его графики (графемики), в частности «борьба шрифтов: готика vs антиква», затронувшая печатную и рукописную традиции, оформление которых не было синхронным. Исторически латинский алфавит и округлый шрифт (антиква) как первооснова немецкой письменности противоречиво функционально комбинировался, длительно соседствуя со средневековым остроконечным готическим письмом (фактура). Это «противостояние» обозначилось в языковой политике Германской империи на рубеже XX века. Опережающий переход с фактуры на антикву при этом отличал немецкую печатную традицию.

По заказу прусского министерства культуры знаменитый художник-график Людвиг Зюттерлин (1865-1917) создал в 1911 году модернизированный

немецкий рукописный шрифт (*Sütterlinschrift*) с адаптированными элементами фразатуры. Этот почерк компромиссно и упрощенно по форме постепенно заменил сложные старые рукописные готические шрифты, сложившиеся еще в XVI веке. Шрифт Зюттерлина, создавшего также эскиз нового императорского герба и товарные знаки ряда известнейших германских фирм, получил его имя и был введен в 1915 году в Пруссии – крупнейшем территориально-государственном субъекте Германской империи.

Рис 1. Образцы: антиквы, фразатуры (готический шрифт) и «зюттерлина»

Приобретая национально-культурный статус (*“Deutsche Volksschrift”*) в Веймарской республике, этот стандарт на протяжении 1920-х гг. завоевал общественное мнение, заменив через переходный формат сложные готические курсивы (*Kurrentschrift*, т.н. старо-немецкий почерк) в школах и в делопроизводстве, отчасти приблизив их к антикве. Но в ситуации демократизации образования и науки сохранялась определенная «шрифтовая диглоссия». Под международным влиянием антиква в разных вариациях сохранялась на письме и в печати. Спорадически/факультативно изучалась и старо-немецкая графика.

Нацистский режим отличался двойственным отношением к готическому шрифту из-за идейно-политического диссонанса в языковой политике. Изначально во время акции «книгосожжения» 1933 года прозвучали призывы к твердой защите «немецкого письма». В Германии фрактур становилась визуальным элементом нацистской пропаганды, «олицетворением» основательности, серьезности и глубины в противовес распространенной в Европе антикве как свидетельству поверхностности чуждых «немецкому духу» цивилизаций [Харькова 2008: 73-75].

Но на партийном съезде НСРПГ 1934 года проявилась ироническая оценка этого вопроса Гитлером как «ухода в себя в готике» в виде романтического ретроградства. Впрочем, за доминирование «исконно немецкой графики» выступил министр внутренних дел, видный нацистский политик В. Фрик. В 1934–1938 гг. успешно работала передвижная выставка *„Die Schrift der Deutschen“* («Письмо немцев»), название которой стало лозунгом. В 1934 году распоряжением министра по науке, воспитанию и народному образованию Б. Руста готический шрифт был узаконен как обязательный в печати. Но в своих пропагандистских публикациях национал-социалисты использовали как готику (также с упрощенными вариациями), так и антикву.

Актом стигматизации министр пропаганды Й. Геббельс в 1937 году запретил «еврейским издательствам» использовать фрактур в своей печати. В целом доля фразатуры в типографской продукции Германии в 1930-е гг.

достигала около 50 %, несколько преобладая в прессе. Но машинописные тексты в основном выполнялись антиквой: технически сложная замена шрифтов на печатных машинках, чего требовал, например, радикальный издательский «Fraktur-Bund» («Союз за фрактуру») не состоялась.

Рукописный «национальный» шрифт первоначально успешно реализовался в Третьем Рейхе. В 1935 году «зюттерлин» с вариациями официально стал единственным нормативным немецким почерком для школ. Этот курсивный формат широко использовался и визуально на протяжении 1930-е гг., особенно в надписях на зданиях, в рекламе, на открытках и т. п.

С началом и в ходе Второй мировой войны, агрессии Германии против СССР ситуация в «споре антиквы и фрактуры» изменилась. Неожиданно в начале 1941 года использование фрактуры в печати и на письме в Третьем Рейхе было запрещено закрытым распоряжением властей (внутренняя директива рейхслайтера М. Бормана от имени фюрера), что технико-экономически было затратным. Это немотивированно связывалось якобы с вредным влиянием на старую гарнитуру литер т.н. еврейского письма (*Judenlettern*, «еврейские шрифты») через «сионистское проникновение» в немецкое книгопечатание [Дубинин 2023: 70]. Контроль за исполнением директивы поручался рейхслайтеру по делам прессы М. Аманну (сначала в отношении распространяемых за рубежом германских изданий). Предвестником «смены вех» стал выход с лета 1940 года новой, вскоре самой массовой еженедельной газеты «Рейх» под редакцией Й. Геббельса, полностью набранной антиквой.

Вероятнее, что появление нового лозунга „*Antiqua als Normal-Schrift!*“ («Антиква – нормативная графика») и запрет готики были связаны с тем, что трудно читаемая фрактура осложняла пропаганду в «восточных землях» Рейха: жители оккупированных территорий и массово ввозимые иностранные рабочие не могли читать тексты с фрактурой в отличие от антиквы. Впрочем, это не согласовывалось с традицией сохранения печатной «готики» в ряде стран Европы, в частности в Скандинавии и Прибалтике, длительно находившихся под влиянием Германской империи.

Возможно, имело место и личное предубеждение Гитлера, установка на ускоренное решение «еврейского вопроса». Демонстративная реформа по внедрению «*Normal-Schrift*» включилась в репрессивную программу санации и «онемечения» национал-социалистической словесности» [Schrifttum 2007: 561] и в план по введению немецкого языка в завоеванных странах согласно тезису Гитлера: «Через 100 лет наш язык станет языком всей Европы. При его изучении необычность букв не должна быть препятствием. Почему именно эти барочные завитки должны быть выражением немецкости?» [Харькова 2008: 76].

В сентябре 1941 года министерским распоряжением в школах исключалось обучение по стандарту 1935 года и использование шрифта Зюттерлина, где усматривались элементы фрактуры. Знакомство школьников с печатной фрактурой предполагало лишь навык чтения ранее изданных книг, а приоритетом объявлялось «латинское письмо» (антиква). Учебный стандарт «латинского письма» вступил в силу с 1942 года. Но многие немцы, изучавшие

в школе родной язык по прежним стандартам, – поколение, жившее в Третьем Рейхе, – продолжали в 1940-е гг. использовать в быту на письме «зюттерлин».

Шрифты и их комбинаторика – одно из основных, традиционных средств первичной, «технической» креолизации текста. Разнотипные креолизованные тексты занимают важную позицию и в консервативном милитарном дискурсе, относящемся к институциональному (статусно-ориентированному) типу [Дубинин 2016б: 176-177]. Тексты с частичной креолизацией, в частности изданные в нацистской Германии военные немецкие словари-разговорники, являются здесь наглядным примером. Это особый тип текста в событийном аспекте военной ситуации, ориентированный на интересы их пользователя-военнослужащего низшего звена. В военных словарях-разговорниках еще кайзеровской армии, в частности в немецко-русских, как общеизвестный визуальный маркер использовалось «истинно немецкое письмо» – фрактур (разновидности готического письма).

Показательно как пример «политики шрифтов» оформление немецко-русских военных словарей для созданного в 1935 году вермахта. Так, появление расширенного переиздания серийного военного разговорника “*Deutsch-russischer Soldaten-Sprachführer*” под редакцией Ф. Зульцбергера 1914-1916 гг. в этом контексте – дань традициям имперской армии. В переиздании 1938 года титульный автор обозначен как «подполковник (в отставке)». Это первый типовой русский разговорник для вермахта, хотя вооруженные силы Третьего Рейха официально не названы (косвенно как “*unsere Truppen*”).

Словарик, вероятно, был переиздан в начале 1938 года. Этот год отмечен внешнеполитическим стремлением Германии к территориально-политической экспансии, подготовкой к войне, упразднением старого военного министерства, централизацией и переподчинением вермахта фюреру. В ситуации «нацификации» были созданы новые органы управления вермахта (Верховное командование, командования родов войск), произошло его боевое крещение: аншлюс Австрии, вступление в Судетскую область и раздел Чехословакии.

Неясен мотив массового переиздания в 1938 году русского разговорника Зульцбергера, что, очевидно, обусловлено не осуществленным планом “*Grün*” (весна 1938 г.) по аннексии и разделу Чехословакии из-за реализации осенью 1938 – весной 1939 гг. «Мюнхенского сговора». План предусматривал быстрое принуждение Чехословакии к капитуляции и военное прикрытие, но не агрессивную или масштабную конфронтацию с СССР, предлагавшим Чехословакии военную помощь. Русский разговорник был выпущен не под захватнические планы, а исходя из возможных событий: СССР мог стать участником локальных военных действий, но плана вступать на его территорию вермахт не имел. Хотя ранняя военная доктрина Рейха не предусматривала боевых действий против СССР, репринт разговорника сохранил структуру и лексикон времен германо-русских военных столкновений 1914-1918 гг., делая его пригодным после нападения на СССР в 1941 г.

«Зульцбергер – 1938» набран фрактурой, но плотнее первоизданий 1910-х гг. Готикой выполнена и транслитерация русских слов/фраз, хотя традицион-

но иноязычные фрагменты в текстах немецких словарей набирались только антиквой (рис. 1). Объем переиздания для вермахта при сохранении типографского формата (10 x 13,5 см) увеличен, были внесены и содержательные изменения/уточнения [Дубинин 2016: 158-161]. В начале войны против СССР разговорник Зульцбергера использовался недолго, а как устаревший был заменен разнообразными типовыми, адекватными новой ситуации разговорниками и не переиздавался.

Рис 1. Титул и разворот разговорника Зульцбергера (изд. 1938 г.)

1940 год был отмечен появлением «Генерального плана Ost» – комплекса документов по освоению/заселению «восточных территорий», также в случае победы Германии в планируемой войне против СССР, но без четкой стратегии военных действий. Примечателен выход в этом году репринта другого популярного немецко-русского типового многоязычного разговорника для солдат кайзеровской армии под редакцией Г. Веркхаупта *“Deutsch-russischer Krieges-Dolmetscher für Soldaten”* (1915-1916 гг., книжный мини-формат 9,5x14 см). Немецкий текст и транслитерация русских переводных соответствий набраны готикой. Сохранена старая русская дореформенная орфография, что было прагматически не мотивировано. Примечательно, что антисоветские эмигрантские издания в Германии также показательно использовали ее.

Рис 2. Титул и разворот разговорника Веркхаупта (изд. 1940 г.)

Из новых изданий солдатских немецко-русских словарей-разговорников вермахта фрагментарно сохранил фактуру (ее стилизованную разновидность – ротунду, и только на титуле) базовый “*Wehrmacht-Sprachführer*” под редакцией Ф. фон Ледебур и Г. Лейста (книжно-карманный формат, 9 x 14 см, изд. 1941-1942 гг.) (Рис. 3). Примечательно, что английский и французский аналоги этого словаря-разговорника, изданные в 1940 году, сохраняли фактуру полностью [Дубинин 2016б: 179]. Перевод военных словарей на антикву был обусловлен упомянутым смещением акцентов в политике национал-социалистов. Культивация националистских настроений у немцев сменилась с началом военной экспансии идеей насаждения/презентации нацистской доктрины на завоеванных территориях стран Восточной Европы и СССР [Харькова 2008: 77]. Все издания 1941-1944 г. русско-немецких разговорников для вермахта в дальнейшем выполнялись только латиницей (антиквой).

Рис. 3. Титул разговорника для вермахта (изд. 1942 г.)

Показательным примером проявления «противоборства шрифтов» является их использование в популярной литературе для развлекательного чтения в вермахте – карикатурных комиксах на военные темы. Так, в рифмованной истории о рекрутах “...und so wird man ein Soldat” («...и вот так становятся солдатом») Клауса Куна фактура, антиква и «зюттерлин» своеобразно комбинируются семиотически [Kuhn, 1941: 1, 30, 85].

1-е издание этой книги 1940 года было выполнено фактурой (рубрикаторы – антиквой) и осуществлено командованием крупного 7-го армейского корпуса вермахта. Но во 2-м издании основной текст, как и ранее его рубрикаторы, переведен на антикву, а в представляющих прямую и внутреннюю речь персонажей филактерах использован «зюттерлин». Фактура представлена лишь на титуле (подзаголовочно) и однократно в тексте – как символика архаичной цитаты (Рис. 4). «Зюттерлин» как бы символизирует в переиздании живую, повседневную немецкую и солдатскую речь. Вероятно, этот смелый для курируемых вермахтом изданий прием предложил иллюстратор книги – известный карикатурист, участник войны Рольф Петер Бауэр (1912-1960), использовавший это в своих изданиях уже в 1940 году и иронизировавший над нарочитостью нацистской семиотики в графике беллетристики.

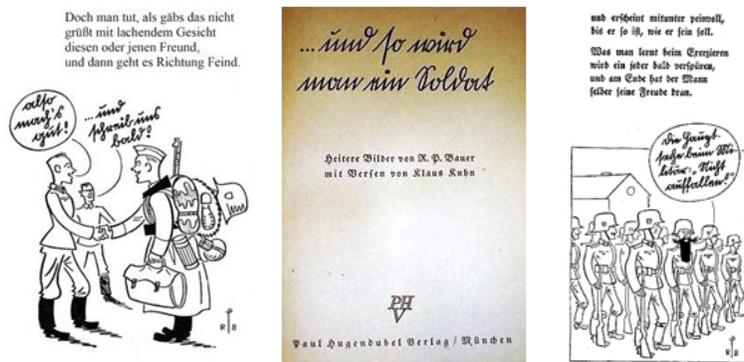

Рис. 4. Использование шрифтов в популярной литературе для вермахта

Таким образом, дискурсивная семиотика текстов изданий для вермахта (военные разговорники, популярная литература) отмечена усилением их манипулятивного потенциала через следование установке на «правильную графику», поскольку в их задачи входило поддержание неизменно позитивного имиджа «солдата Рейха», его уверенной самооценки в «победоносной войне на востоке». Иконический (графический) компонент как прием визуализации позволял посредством этих текстотипов сформировать безальтернативную точку зрения «оруженосца нации», отразив особенности развития и итоговую стагнацию милитарного дискурса Третьего рейха.

Библиографический список

1. Дубинин С.И. Военный разговорник для солдат вермахта: динамика текстотипа // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3.2. С. 153-161.
2. Дубинин С.И. Иноязычная речевая практика и разговорник для «армейца Рейха» (на материале “Wehrmacht-Sprachführer. Deutsch-Russisch”) // Известия Смоленского государственного университета, 2016. № 3 (35). С. 176-185.
3. Дубинин С. И. Двухязычный словарь-разговорник как креализованный текст в милитарном дискурсе // Эволюция и трансформация дискурсов: Сб. научных статей / отв. ред. С.И. Дубинин, В.Д. Шевченко. Вып. 8. Самара: Центр периодических изданий, 2023. С. 60-74.
4. Харьковова О.В. Шрифт как инструмент воздействия на массовое сознание в прессе Третьего Рейха // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2008. № 1. С. 71-78.
5. Antiqua-Fraktur-Streit [Электронный ресурс]. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Antiqua-Fraktur-Streit#Normalschrifterlass> (дата обращения 12.02.2024)
6. Kuhn K. „... und so wird man ein Soldat“. München: Paul Hugendubel Verlag, 1941. 86 S.
7. Schrifttum // Vokabular des Nationalsozialismus / Hrsg. von C. Schmitz-Berning. 2. Aufl. Berlin-NY: W. de Gruyter, 2007. S. 561-562.